

Близкий Другой

*Мальчик этот очень смел,
поглядите сами:
влезть на лестницу сумел,
стал он выше мамы.*

*От качелей замер дух,
ветерок навстречу.
Только выдохнет он: «Ух!»,
руки сжав покрепче.*

*Смелый мальчик, не робей,
не проси подмогу,
даже если муравей
выйдет на дорогу.*

Алла Гадаева

Усилия по формированию отношения к Другому как к полноправному социальному субъекту ныне предпринимаются на разных уровнях и с разным масштабом: от личности, осмысливающей собственное поведение, до общественных структур, работающих с конкретными социальными субъектами. Движение столь широким фронтом оправдано, учитывая, что в повседневной жизни проявления социальной нетерпимости вновь и вновь дают о себе знать.

В данном случае хотелось бы остановиться на положительном опыте взаимодействия с Другим, опыте, знакомом многим и позволяющем выделить отдельные моменты, которые, как представляется, способствуют терпимому отношению к Другому. Речь пойдет о детях, в первую очередь о малышах. К сожалению, и ребенок подчас оказывается объектом насилия, враждебного отношения. Но все же, как правило, дети вызывают трепетное к себе отношение. При этом они воспринимаются взрослыми в качестве Других: к ним применяются особые — иные, чем к взрослым, — мерки.

Ныне лейтмотивом практически любого популярного журнала или психолого-педагогического пособия для родителей по воспитанию детей является мысль о ребенке как формирующейся личности, индивидуальное своеобразие которой не должно подавляться. Но если самореализация еще только отстаивается как право каждого ребен-

ка, если актуальна проблема ее признания, защиты в общественном сознании, то положение об отличии детского мира от мира взрослого принадлежит к числу общепринятых.

Непохожесть ребенка на взрослого человека в значительной мере передают три «не»: не может (слаб), не умеет, не понимает. Одного подобного «не» бывает достаточно для стигматизации того или иного социального субъекта, для его унижения. В случае с ребенком отмеченные «не» против него используют редко, ибо за всеми ними усматривают одну причину: ребенок мал для обладания соответствующими силой, навыками, знаниями.

Отсылка к «малому» служит оправданием ребенка в глазах взрослого. «Маленький» — содержание, расшифровка инаковости ребенка для взрослого, который знает, что надо себя в этом случае вести определенным образом. (Уже старшего ребенка (будь он посторонним или братом/сестрой) учат прощать, уступать тому, кто младше.)

Для взрослого не секрет, что изначально окружающая действительность несоразмерна малым возможностям ребенка, что без посреднической помощи ребенку не справиться. То, что для взрослого очевидно и несложно, для ребенка нередко «формулируется» как вопрос жизни и смерти.

При этом сама по себе помощь ребенку (повседневная и неэкстремальная) не представляет сложности для взрослого. Проблемы возникают, как правило, в связи с рутинностью, необходимостью постоянного внимания, включенности со стороны старшего. В целом, роль взрослого предполагает не выполнение вместо ребенка той или иной деятельности, действия, а поддержку, страховку (в практическом и психологическом плане) при освоении мира взрослого. Сфера этой помощи постоянно меняется, а ее диапазон сужается по мере взросления малыша.

Однако, думается, отношение взрослого к ребенку не определяется лишь потребностью помочь слабому, нуждающемуся в физической и психологической поддержке. Помимо этических, сугубо сострадательных мотивов в этом случае фигурируют и другие факторы¹.

Определенно ребенок обогащает жизнь взрослых. Прежде всего, ребенок (при всей своей зависимости от взрослого) приобщает старших к опыту, некогда прожитому, но поддающемуся лишь ретроспективному осмыслению. Ребенок превращает периодически предпринимаемое внутреннее путешествие в прошлое — «поиски утраченного времени» детства — во вполне практический акт. Так, находясь рядом с малышом, мы вновь оказываемся в мире мягких игрушек, кубиков, детских книг. Что-то мы с радостью и без стеснения повто-

ряем, как любили делать прежде (рисовать мелками на асфальте, «печь куличики» из песка). Что-то пугавшее и неполучавшееся становится понятным и объясняющим нас самих себя. Аналоги моментов, которые не помним, мы получаем возможность пронаблюдать воочию (например, как учились ходить и говорить). То, что составляет для нас инаковость ребенка, некоторое время назад было неотъемлемой частью нашей собственной жизни, но постепенно отдалилось, перестало нам принадлежать, превратилось в «другое». Ребенок демонстрирует, насколько *относительной* подчас оказывается инаковость, насколько сплетена с нашей личной жизнью, насколько она нам близка.

Мы вглядываемся в детей, пытаемся разобраться в загадке, имеваемой жизнью, и себе как части ее. Перед нами разворачивается процесс становления, и мы многое узнаем о пути, который когда-то прошли сами, но без возможности понять его на том этапе. Ребенок — Другой, который помогает нам наш личный жизненный опыт сделать предметом рефлексии. В этом смысле можно говорить, что в наших отношениях с детьми отчетливо просматривается познавательная составляющая.

Вопросы, которые позволяет уяснить ребенок, среди прочего могут принадлежать к числу серьезных профессиональных задач. Так, например, Л. Витгенштейн обращался к проблеме усвоения ребенком значений первых слов, работая над вопросами мышления, языка и логики². В.В. Вейдле усматривал зачатки языка поэтов в языке детей³, в детском «звукосмысловом сумбуре», повторяя вслед за Бодлером, что поэзия — «не что иное <...> как вновь найденное детство»⁴. «Все мы были поэтами, потому что *звучали* для нас слова, и потому что их смысл, понимавшийся нами порой весьма превратно, то и дело завораживал нас, казался не просто пристегнутым к звуку, а им порожденным, присущим природе этого именно звука...»⁵.

В значимости ребенка как Другого для нашей жизни познавательная составляющая во многом переплетена с эстетической. Это не только и не столько эстетика свежести/нежности или малого/камерного. Но в первую очередь это эстетика естественности, простоты. Как бы замкнут, пуллив, скован ни был маленький ребенок, он практически не владеет опытом скрывать, завуалировать свои действия, «идти в обход» — он открыт другим. Радости и горести ребенок делит с другими, ибо нуждается в их поддержке. Не умея еще управлять собственным поведением и влиять на мнение о себе, он такой, каким предстает перед окружающими. Пока еще не усвоено, что значит вежливое приветствие или доброе отношение, малыш просто улыбается тому, кого не боится, протягивая любимую игрушку, которую

так же легко забирает обратно. Ребенок чарует нас незамысловатостью и искренностью, схожей с той, что мы находим, в частности, в работах художников-примитивистов.

Но это очарование краткосрочно. С первых дней взрослые приобщают ребенка к миру культуры. Постепенно в его самовыражении появляются полутона, оттенки. Погружение в культуру придает жизни объемность, обогащает ее, дарует свободу выбора и одновременно привносит ограничения. Эстетику простоты (с ее произвольностью, очевидностью, преобладанием индивидуального начала) неизбежно должна потеснить скоординированность с действиями окружающих. А значит, придется «одевать» свое «Я» в одежды культуры, которые при всем их многоцветии и разностилье создаются согласно определенным законам и требованиям. Запечатлеть «ускользающую красоту» детства, его свет на протяжении веков стремятся многие художники слова и изящных искусств, для которых тема детства служит источником творческого вдохновения⁶.

Итак, опыт взаимодействия взрослого с ребенком представляется как минимум два ракурса восприятия Другого в положительном свете и, соответственно, доброго (или, по меньшей мере, терпимого) отношения к инаковости. Думается, на подобный опыт (не чуждый многим) можно опираться в рамках гражданского образования по формированию политкорректного отношения к различным социальным субъектам. Доброжелательное отношение к Другому во многом связано с осознанием того, что Другой привносит в нашу жизнь существенные смыслы. Мы либо открываем такие смыслы для себя с помощью Другого, либо находим их в бытии Другого. Объективно Другого отличает немало познавательных и эстетических моментов, представляющих для нас интерес. Вопрос лишь в том, удастся ли нам их обнаружить, предпринять необходимое усилие по их обнаружению. Как было показано выше, обретение подобных смыслов существенно обогащает нашу жизнь.

Я отдаю себе отчет в том, что разные люди находят в детях разные значимые для себя аспекты (и их список не ограничивается двумя рассмотренными выше). В частности, родные, скорее всего, смотрят на них несколько иначе, чем посторонние. Одно из отличий видится, в частности, в том, что в отношении родителей к ребенку фигурирует ракурс, который можно было бы определить, как «экзистенциальный»: ребенок наделяет смыслом повседневные усилия взрослого и существование в целом. В данном случае имеет место особая степень близости, маловероятная в отношениях с любого рода Другим (по этой причине подобный случай не рассматривался выше).

И еще одно уточнение. Взрослому человеку детская инаковость позволяет ощутить не только смысловую поддержку, даруемую Другим, но и временной характер этого дара. Очевидно, что временной оттенок лежит на всем, что имеет отношение к человеческой жизни. Но нередко, особенно в пылу страстей, мы об этом забываем. Мир детства очень выразительно представляет эту характеристику. Ребенок постоянно растет, меняясь и физически, и психологически. Не успели мы оглянуться, как Другой из мира детства исчез... превратившись во взрослого человека. Невостребованным оказывается многое из того, что когда-то само собой подразумевалось в наших отношениях с малышом: внимание и чуткость, умение взглянуть на мир его глазами, гибкость и усилия с нашей стороны. (Вернее, взрослый Другой в этом нуждается ни чуть не меньше, но наши отношения с ним строятся более сложно — опосредованы множеством привходящих факторов. В отношениях со взрослым Другим вступают в действие «принципы» — и вот уже позиции сталкиваются, начинается противостояние.)

Путь-прорыв, совершаемый ребенком, не сравним ни с каким иным пятнадцатилетним периодом в жизни человека. Наблюдая за тем, как растет маленький Другой, особенно отчетливо начинает ощущаться, что изменению в жизни подвержено все — естественно, и мы сами. Жизнь во многом есть воплощение инаковости. И потому столь существенным оказывается принцип «Не опоздать бы...» Другого можно не успеть повстречать и узнать.

«Приход» ребенка в жизнь взрослого человека нередко знаменует начало нового этапа: так много непривычного он привносит с собой, открывает в нас и позволяет увидеть в мире. В большей или меньшей степени такую роль играют разные Другие в нашей жизни. Вопрос состоит в том, находим ли мы в себе силы и успеваем ли увидеть это в них за тот короткий отрезок времени, который меняющимся им и нам отведен судьбой.

*С балкона пускают дети
Мыльные пузыри.
Летят они в солнечном свете —
Один, два, три...*

*Летят, переливом играют,
Красивы, прозрачны, нежны.
Блеснут на мгновенье и тают,
Свершив то, что были должны.*

*Глядят заворуженно дети
И взрослые, бросив дела.*

*Волшебные шарики эти
Какая рука создала?*

*С восторгом они наблюдают
За кратким полетом вослед.
Взгляните, вот снова взлетают,
А вот — ничего уже нет.*

Алла Гадаева⁷

Примечания

- ¹ И это принципиально. Ибо, если говорить о возможности переноса опыта взаимодействия с ребенком на отношения с иными Другими, важно учитывать, что надежда на чувство сострадания, как показывает жизнь, далеко не всегда оправдывает себя. Более того, Другому по большому счету нужно не только и не столько сострадание, сколько доброе отношение. В этом случае он сможет продемонстрировать свои лучшие стороны, одновременно не ощущая себя в положении зависимого, ущемленного.
- ² *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 75–319.
- ³ *Вейдле В.В.* Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства. М., 2002. С. 30.
- ⁴ Там же. С. 39.
- ⁵ Там же. С. 37–38.
- ⁶ Выразительными в этом смысле представляются результаты филологического анализа стихотворения У.Вордсворта «Ода: Откровения бессмертия...» М.Свердловым, показавшим, как образ ребенка в конкретном произведении связан с историей целого жанра — пиндарической оды (*Свердлов М.* О жанровом мифе: что воспевает пиндарическая ода? // *Вопр. лит.* 2002. № 6. С. 103–126).
- ⁷ Выбор пал на стихи, приведенные в конце и в начале статьи, по следующей причине. Показательна история их появления. Они написаны человеком (по специальности А.Гадаева — врач), для которого рождение первого из внуков стало толчком к ее поэтическим опытам. Сначала она старалась запечатлеть вехи, шаги в жизни внучки. Но вскоре маленькая девочка-муза стала сопровождать ее в повествовании и о грустных/веселых (повседневных) событиях взрослого человека.